

18+

Татьяна Пугачева
Детективы

Сборник высокотехнологичных детективов

Татьяна Пугачева
Детективы. Сборник
высокотехнологичных
детективов

<https://litres.ru/74504214>

ISBN 9785007130714

Аннотация

Этот сборник высокотехнологичных детективов погружает читателя в мир, где наука и технологии становятся инструментами в руках изощренных убийц. Но как бы виртуозно ни был рассчитан план, у любой, даже самой совершенной системы, есть фатальный баг — человеческая природа. Жадность, зависть, одержимость и гордыня неизбежно оставляют следы там, где бессильны камеры и антивирусы. Потому что физику невозможно обмануть, а иллюзии всегда разбиваются о холодный бетон реальности...

Содержание

Смерть на кончике кисти	5
Иллюзия времени	19
Вкус мести	28
Ошибка автора	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Детективы
Сборник
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ
детективов**

Татьяна Пугачева

© Татьяна Пугачева, 2026

ISBN 978-5-0071-3071-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть на кончике кисти

Запах в мастерской Виктора Миронова был особенным. Густой, почти осязаемый коктейль из скипидара, льняного масла, даммарного лака и старой, слежавшейся пыли веков. Для кого-то эта смесь показалась бы удушливой, но для меня, Ильи Ракитина, независимого эксперта по преступлениям в сфере искусства, это был запах работы. Запах тайн.

Правда, сегодня к этому привычному букету примешивался еще один, едва уловимый оттенок. Запах смерти.

Мастерская располагалась на последнем этаже исторического здания на набережной Мойки в Петербурге. В огромные мансардные окна, сквозь которые обычно лился мягкий северный свет, сейчас барабанил мелкий, промозглый октябрьский дождь.

Виктор Эдуардович Миронов, легенда отечественной реставрации, человек, чьи руки спасали полотна Рембрандта и Айвазовского, сидел в своем любимом дубовом кресле перед мольбертом. Его голова безвольно откинулась на спинку, правая рука свесилась вниз, едва не касаясь паркета кончиками пальцев. На коленях покоилась палитра, испещренная буграми масляной краски.

— Никаких следов борьбы, Илья, — глухо произнес майор Савченко, стоя у дверей и стараясь ничего не касаться. Он выглядел неуместно в этом храме искусства со своей мас-

сивной фигурой и мокрым плащом. — Дверь была заперта изнутри на массивную задвижку. Мы ее выпилили вместе с куском косяка. Окна, как видишь, закрыты наглухо, шпингалеты заржавели, наверное, еще в прошлом веке. Черный ход заложен кирпичом лет двадцать назад.

Я медленно обошел тело по кругу. Лицо Миронова побледнело, губы приобрели легкий синюшный оттенок, но черты не были искажены предсмертной агонией. Он словно замер в момент глубокой задумчивости.

— Что говорят судмедэксперты? — спросил я, надевая латексные перчатки.

— Предварительно — острая сердечная недостаточность, вызванная сильнейшей интоксикацией. Токсикология еще работает, но врач скорой уверен, что это яд. Причем быстродействующий. Проблема в том, что мы не понимаем, как он попал в организм.

Савченко указал на небольшой антикварный столик в углу.

— Там стоит его чашка с недопитым чаем и тарелка с печеньем. Экспресс-тест чист. В крови алкоголя нет. Шприцев в мастерской нет, следов от инъекций на теле — тоже. Он заперся здесь в восемь утра, чтобы работать в тишине. В час дня его ассистент пришел в студию, стучал, звонил — безрезультатно. Вызвали нас. И вот результат. Герметичная комната, мертвый гений и ни единой зацепки.

Я приблизился к мольберту. На нем стоял холст среднего

размера. Пейзаж. Утренняя дымка над рекой, силуэты деревьев, невероятная игра света на воде. Картина была великолепна.

— Что это? — спросил Савченко, проследив за моим взглядом.

— Судя по технике и палитре — неизвестный Архип Куинджи, — пробормотал я, наклоняясь ближе к холсту. — Или невероятно талантливая стилизация. Миронов работал над ней?

— Да. Его ученик сказал, что Виктор Эдуардович заканчивал реставрацию «сенсационной находки», которую собирался представить на выставке в Эрмитаже через месяц.

Я перевел взгляд на рабочий столик рядом с мольбертом. Десятки тюбиков с краской — от классической свинцовой белилы до жженой кости. Баночки с разбавителем «Тройник», куски ветоши, испачканные пигментом. И кисти. Их были сотни. Щетинные, синтетические, колонковые, беличьи. Они торчали из керамических кувшинов, как стрелы в колчане.

Но одна кисть лежала отдельно. На краю палитры. Тончайшая колонковая кисть нулевого номера. Инструмент для ювелирной работы — прорисовки мельчайших деталей, бликов в глазах портретов или, как в данном случае, тончайших веточек на фоне светлеющего неба.

Я наклонился к самому лицу покойного.

— Савченко, посмотри на его губы.

Майор подошел ближе, щурясь.

— Ну, губы как губы. Синие немного.

— На нижней губе, в самом центре, микроскопический след зеленой краски. Оттенок «виридиновая зеленая», — закончил я фразу, аккуратно приподнимая подбородок убитого концом пинцета.

Савченко нахмурился.

— Краска? И что с того? Он же художник, реставратор. У него эта краска должна быть везде: на руках, на одежде.

— На руках — да. На фартуке — безусловно, — кивнул я, выпрямляясь. — Но не на губах. Видишь ли, у многих художников-миниатюристов и реставраторов старой школы есть одна неискоренимая профессиональная привычка. Когда работаешь над мельчайшими деталями, кисть должна быть острой, как игла. Никакая палитра или тряпка не придаст колонковому ворсу идеальную форму. Поэтому они делают это губами. Слегка облизывают кончик кисти перед тем, как набрать краску, или после того, как промыли ее в растворителе, чтобы сформировать идеальное острие.

Я указал на ту самую тонкую кисть нулевого номера, лежавшую на краю палитры.

— Яда не было в чае, майор. И его не распыляли в воздухе. Убийца, видимо, знал об этой привычке Миронова. Он пропитал ворс этой конкретной кисти концентрированным токсином. Скорее всего, чем-то вроде аконитина или его синтетического аналога, который быстро всасывается через сли-

зистую и вызывает остановку сердца. Миронов макнул кисть в растворитель, облизал ее по привычке, набрал виридиновую зеленую, сделал пару мазков на холсте... и умер.

Савченко недоверчиво посмотрел на кисть, затем достал рацию.

— Экспертов сюда. Пусть упакуют эту кисточку в отдельный герметичный пакет и немедленно отправят в токсикологию.

Пока криминалисты колдовали над уликами, я подошел к окну. Дождь усилился, размывая контуры Исаакиевского собора вдаль. Идеальное убийство. Никакого следа присутствия посторонних. Убийца просто подготовил оружие заранее и ждал, когда жертва сама приведет приговор в исполнение.

— Кто имел доступ в мастерскую? — спросил я, не обращаясь.

— Только сам Миронов и его единственный ученик, Денис Волков. Тот самый, который и поднял тревогу. Он сейчас в коридоре, с ним работает следователь. Парень в шоке, говорит, что Миронов был ему как отец.

— Зови его сюда, — сказал я. — Мне нужно с ним поговорить. И желательно — прямо здесь, на месте преступления.

Денису Волкову было около тридцати. Бледный, с впалы-

ми щеками и нервными, длинными пальцами, перепачканными въевшимся пигментом. Он вошел в мастерскую, стараясь не смотреть в ту сторону, где санитары уже упаковывали тело его наставника в пластиковый мешок.

— Денис, меня зовут Илья Ракитин, — я указал ему на табурет подальше от тела. — Я помогаю следствию. Примите мои соболезнования.

— Спасибо, — голос Волкова дрожал. Он сцепил руки в замок, костяшки побелели. — Я не понимаю... У Виктора Эдуардовича было больное сердце, да, но чтобы так внезапно...

— Это не был сердечный приступ, Денис, — мягко, но непреклонно сказал я. — Его отравили.

Волков вскинул голову. В его глазах мелькнул неподдельный ужас.

— Отравили? Но как? Дверь была заперта изнутри! Я сам стучал в нее полчаса!

— Мы полагаем, что яд был нанесен на его рабочую кисть. Ту самую, которой он прописывал детали на этом холсте.

Я подошел к мольберту и внимательно посмотрел на «неизвестного Куинджи».

— Вы ведь помогли ему с реставрацией, верно? Откуда эта картина?

Волков сглотнул и отвел взгляд.

— Виктор Эдуардович нашел ее на каком-то закрытом аукционе в Европе. Она была в ужасном состоянии, под сло-

ем потемневшего лака и поздних записей. Он работал над ней полгода. Сказал, что это будет сенсация. Ранний Куинджи, неизвестный пейзаж. Он собирался представить ее на симпозиуме в Эрмитаже.

Я достал из кармана мощную лупу с подсветкой и склонился над холстом.

Работа была поистине виртуозной. Глубокие, светящиеся изнутри лессировки — фирменный прием Куинджи. Тончайшая сетка кракелюра — трещинок, которые появляются на масляной живописи спустя десятилетия. Грязь, въевшаяся в эти трещины, выглядела абсолютно естественно.

Но что-то меня смущало.

— Скажите, Денис, — я не отрывал взгляда от холста. — А как давно вы работаете с Мироновым?

— Восемь лет. Я пришел к нему сразу после Академии художеств. Он взял меня подмастерьем. Учил всему. Смешивать пигменты по старинным рецептам, варить лаки, восстанавливать утраты...

— И вы, конечно, тоже пишете? Свои работы?

Волков горько усмехнулся.

— Писал. Когда-то. Но кому нужен неизвестный Денис Волков? Современное искусство — это маркетинг. А здесь... здесь я прикасался к вечности. Хотя платил он мне, конечно, копейки. Говорил, что опыт, который я получаю, бесценен.

— Бесценен, — эхом отозвался я. — Как и те три картины, которые Миронов «открыл» миру за последние пять

лет. Неизвестный эскиз Поленова. Потерянный натюрморт Хруцкого. И вот теперь — Куинджи. Все они были проданы в частные коллекции за огромные деньги.

Я выключил лупу и повернулся к Волкову.

— Знаете, Денис, в криминалистике есть понятие почерка. У убийц он свой, у фальшивомонетчиков — свой. А у художников он называется мазком. Миронов был гениальным реставратором, но он был посредственным живописцем. Я видел его ранние работы. У него была жесткая, почти академичная кисть. Ему не хватало воздуха.

Волков напрягся. Его пальцы перестали дрожать и намертво вцепились в края табурета.

— К чему вы клоните?

— К тому, что этот Куинджи написан не Куинджи. И восстановлен не Мироновым.

Я подошел к столику с реактивами и взял стеклянный флакон с сильным растворителем, который реставраторы используют для снятия самых стойких лаков. Затем достал из упаковки ватный тампон.

— Знаете, в чем главная проблема подделок, Денис? Время. Масляная краска сохнет десятилетиями. Процесс полимеризации льняного масла невозможно ускорить ни в какой печи. Да, вы можете симитировать кракелюр, запекая холст. Можете втереть в трещины настоящую пыль из пылесоса. Можете использовать пигменты XIX века. Но химия неумолима.

Я отвинтил крышку флакона. Резкий запах растворителя ударил в нос.

— Если картине сто лет, этот растворитель снимет только верхний слой лака. Краска останется нетронутой — она окаменела. Но если картине полгода... растворитель проест ее до грунта за три секунды.

Я шагнул к мольберту и занес смоченный тампон над свещающимся небом «Куинджи».

— Нет! Не смейте! — Волков вскочил с места с такой скоростью, что табурет с грохотом отлетел к стене. В его голосе звучала не паника реставратора, боящегося за шедевр. Это был крик создателя, защищающего свое дитя.

Я замер, держа тампон в миллиметре от холста. В мастерской повисла мертвая тишина. Савченко, стоявший у дверей, медленно положил руку на кобуру.

Волков тяжело дышал, глядя на меня расширенными глазами. Он понял, что выдал себя с головой.

— Вы не притронетесь к ней, — прошептал он, и в его голосе прорезалась жуткая, отчаянная гордость. — Это моя лучшая работа. Я потратил на нее семь месяцев. Я сам тер пигменты. Я изучал каждый мазок Архипа Ивановича. Это не подделка. Это... реинкарнация.

Я опустил руку с тампоном.

— Как и Поленов? Как и Хруцкий?

Волков нервно сглотнул и опустился на пол прямо там, где стоял, прислонившись спиной к стене. Из него словно

выпустили воздух.

— Он был паразитом, — тихо, почти безжизненно произнес Волков. — Миронов. Великий реставратор, спаситель искусства. Знаете, как мы работали? Он находил на барахолках старые, не представляющие ценности холсты XIX века. Смывал с них живопись до старого грунта. А потом я писал. Я создавал шедевры. Я жил в этой мастерской, дышал скипидаром, слеп от лупы.

Он посмотрел на пустую палитру, где еще недавно лежала отравленная кисть.

— А когда работа была готова, он вызывал экспертов. Он показывал им промежуточные этапы «реставрации», которые мы заранее фотографировали. Ему верили безоговорочно. Его имя было знаком качества. Он продавал мои картины за сотни тысяч долларов. А мне платил зарплату ассистента — сорок тысяч рублей в месяц. И говорил, что я должен быть благодарен за возможность «прикасаться к вечности».

— И когда вы узнали, за сколько он собирается продать этого «Куинджи», вы решили положить этому конец, — констатировал я.

— Покупатель предложил два миллиона евро, — Волков горько усмехнулся. — Два миллиона! Я попросил у него хотя бы десять процентов, — голос Волкова сорвался на хрип. — Сказал, что хочу открыть свою студию, хочу писать под своим именем. Знаете, что он ответил?

Денис поднял на меня глаза, полные слез и застарелой,

гниющей обиды.

— Он рассмеялся. Сказал, что без его сертификата подлинности, без его связей в Эрмитаже и Третьяковке моя, как он выразился, «мазня» не стоит даже тех денег, что мы потратили на старый холст. Он сказал, что я — никто. Просто инструмент в его руках. Удобная кисть, которой он создает историю.

Волков горько усмехнулся и вытер лицо испачканным краской рукавом.

— Инструмент... Что ж, я решил, что инструмент имеет право нанести свой последний удар.

— Где вы взяли яд, Денис? — тихо спросил я, откладывая флакон с растворителем обратно на столик.

— Аконит, — просто ответил он. — Я сам экстрагировал его из корней борца. Мы же алхимики, Илья. Реставратор должен знать химию лучше любого фармацевта. Выварить токсин, очистить его, смешать с каплей гуммиарабика, чтобы он не испарился и не потерял свойств на ворсе... Это было даже проще, чем подобрать правильный оттенок виридиновой зеленой.

Он перевел взгляд на безжизненное тело Миронова в другом конце комнаты. Санитары уже застегнули молнию на черном мешке.

— Я знал, что сегодня утром он будет прописывать ветви деревьев на фоне светлеющего неба. Это финальный штрих. Для него нужна только «нулевка». Я пропитал ее экстрактом

вчера вечером, перед уходом. Высушил. Положил на край палитры. И ушел. Я знал, что дверь будет заперта. Знал, что он никого не впустит. Он сам все сделал. Его убила его же привычка к идеальному мазку.

В мастерской снова повисла тишина, нарушаемая лишь монотонным шумом дождя за окном. Вся ярость, весь адреналин покинули Волкова. Он сидел на полу — опустошенный, сломанный, но парадоксально спокойный. Человек, который наконец-то признался миру в своем таланте, пусть и такой страшной ценой.

Майор Савченко тяжело вздохнул, шагнул вперед и достал наручники. Металлический лязг прозвучал в храме искусства резко и чужеродно.

— Денис Волков, вы задержаны по подозрению в убийстве Виктора Миронова, — дежурной скороговоркой произнес майор, помогая парню подняться на ноги. — Вы имеете право хранить молчание...

Денис не сопротивлялся. Он покорно протянул руки. Когда Савченко повел его к выходу, Волков остановился в дверях и обернулся ко мне.

— Илья... — позвал он.

— Да, Денис?

— Что будет с картиной?

Я посмотрел на мольберт. Пейзаж дышал утренней свежестью. Вода на холсте казалась живой, она ловила скудный свет из мансардного окна и отдавала его обратно, словно на-

стоящее зеркало. Это была не просто искусная подделка. Это была живопись высочайшего уровня. Трагедия заключалась в том, что она родилась в тени чужого тщеславия и была крещена ядом.

— Она пойдет в хранилище вещдоков, Денис, — честно ответил я. — Как орудие преступления. Как доказательство мотива. А потом, скорее всего, ее уничтожат по решению суда. Ведь официально это фальшивка.

В глазах Волкова что-то окончательно потухло. Он кивнул, отвернулся и покорно шагнул в темный коридор вслед за конвоем.

Я остался в мастерской один, дожидаясь, пока криминалисты закончат опись. Запах скипидара и старой пыли больше не казался мне запахом тайн. Теперь это был запах склепа.

Приблизившись к мольберту, я еще раз взглянул на «Куинджи». Идеальный кракелюр. Идеальные лессировки. Идеальное убийство...

Мионов был прав в одном: современное искусство — это жестокий бизнес, где имя на холсте стоит в тысячи раз дороже самого холста. Но он забыл главное правило любого творца. Никогда не загоняй в угол того, кто умеет смешивать краски. Потому что однажды вместо льняного масла он добавит в них собственную ненависть.

Я накинул пальто, бросил последний взгляд на пустую палитру и вышел под петербургский дождь, оставляя мертвый

шедевр в пустой мастерской.

Иллюзия времени

Мерный, убаюкивающий стук колес фирменного экспресса «Северное сияние», летящего сквозь снежную бурю из Москвы в Мурманск, всегда действовал на меня как снотворное. Я, Артур Соколов, бывший следователь, а ныне частный детектив, ехал в отпуск, мечтая лишь о тишине, горячем чае в подстаканнике и хорошей книге.

Но у судьбы, как и у железной дороги, свои расписания.

В дверь моего купе робко постучали. На пороге стоял Степан Ильич — пожилой, всегда безупречно вежливый проводник нашего VIP-вагона. Его лицо, обычно румяное, сейчас сливалось по цвету с накрахмаленным воротничком форменной рубашки.

— Артур Павлович... — голос старика дрогнул. — Простите ради бога. Начальник поезда сказал, вы из бывших... У нас в седьмом купе беда.

Спустя две минуты я стоял в дверях седьмого купе. Внутри пахло дорогим коньяком, мужским парфюмом с нотами сандала и тем специфическим, металлическим запахом, который всегда сопровождает насильственную смерть.

На полу, неестественно вывернув шею, лежал Аркадий Зотов. Известный в узких кругах «решала» и шантажист, сколотивший состояние на чужих грязных тайнах. Я узнал его сразу — наши пути однажды пересекались. Его лицо по-

багровело, глаза выкатились, а на шее багровела глубокая борозда от шелкового галстука, который кто-то затянул с нечеловеческой силой.

Рядом с телом на корточках сидел полноватый мужчина в очках — Лев Борисович, хирург из соседнего вагона, которого Степан позвал первым.

— Мертв, — констатировал врач, поднимаясь и вытирая руки платком. — Задушен.

— Когда? — коротко спросил я, привычно сканируя взглядом пространство: перевернутый стакан на столике, смятая постель, приоткрытый кейс.

— Совсем недавно. Тело еще теплое, трупное окоченение не наступило. Но нам не нужно гадать со временем, Артур Павлович. Взгляните.

Хирург указал на левую руку убитого. На запястье Зотова тускло блестели массивные швейцарские часы «Patek Philippe». Стекло циферблата было вдребезги разбито, стрелки замерли.

— Четверть двенадцатого, — прочитал я. — 23:15.

— Именно, — кивнул хирург. — Судя по вмятине на углу металлического столика, в ходе борьбы Зотов ударился рукой. Механизм сломался, зафиксировав точное время смерти. Сейчас 23:40. Значит, убийство произошло ровно двадцать пять минут назад.

Я повернулся к бледному Степану Ильичу, который нервно теребил пуговицу на кителе.

— Кто еще едет в вагоне?

— Трое, не считая вас и покойного, — сглотнув, ответил проводник. — Бизнесмен Громов, актриса Ланская и депутат Воронов.

Я усмехнулся. Идеальная компания для шантажиста. Каждый из этой троицы имел скелеты в шкафу, которые Зотов с удовольствием превращал в золото. Мотив был у всех.

— Где они были в 23:15? — спросил я.

— В вагоне-ресторане, — уверенно ответил Степан Ильич. — Все трое. Они ушли туда еще в десять вечера. А в 23:15 наш поезд проходил стрелку на станции Бологое, трянуло так, что в ресторане подносы посыпались. Бармен подтвердит: Громов, Ланская и Воронов в этот момент помогали собирать посуду. Они были на виду у десятка свидетелей.

Я нахмурился. Герметичный детектив в чистом виде. Три человека, ненавидящих жертву. Три идеальных мотива. И у всех троих — железобетонное алиби, подтвержденное независимыми свидетелями и стрелками разбитых часов.

— А где были вы, Степан Ильич? — мягко поинтересовался я.

— Я? — старик заморгал. — Я был в служебном купе. Сдавал бельевую ведомость начальнику поезда. Он сидел со мной с одиннадцати до половины двенадцатого.

Я кивнул, надел перчатки и шагнул в купе.

Внимательно осмотрел разбитые часы. Дорогая механика. Удар действительно пришелся точно на стекло, деформиро-

вав ось стрелок. Они вмерзли в циферблат намертво.

Затем я перевел взгляд на столик. Рядом с перевернутым стаканом лежала дорожная таблетница с отделениями по дням недели. Ячейка «Четверг. Вечер» была заполнена — внутри лежала розовая таблетка гипотензивного препарата. Зотов был гипертоником.

Я опустил на колени и осмотрел карманы жертвы. В левом внутреннем кармане пиджака лежал смартфон. Экран был цел, но заблокирован. Я нажал кнопку питания. На экране блокировки высветились обои с дорогой машиной и список пропущенных уведомлений.

Я смотрел на экран около минуты. Пазл, казавшийся неразрешимым, вдруг сложился в ясную, холодную картину. Иллюзия рассыпалась...

— Степан Ильич, — не оборачиваясь, позвал я. — Попросите доктора оставить нас. И закройте дверь.

Когда щелкнул замок, отрезая нас от шума коридора, я медленно поднялся и посмотрел в глаза старому проводнику. В них плескался страх, но страх загнанного человека, а не хладнокровного убийцы.

— Знаете, в чем проблема механических часов, Степан? — негромко начал я. — Они показывают время, но не сохраняют историю. Их можно обмануть.

Старик молчал, вцепившись побелевшими пальцами в ручку двери.

— Громов, Ланская и Воронов не убивали Зотова, — про-

должил я, шагнув к нему. — У них было алиби на 23:15. И у вас было алиби на 23:15. Убийца это прекрасно знал. Потому что убийца сам создал это время.

Я поднял руку, имитируя удар.

— Убийство произошло на час раньше. Примерно в 22:15. В это время Громов, Ланская и Воронов уже сидели в ресторане. Начальник поезда еще не пришел к вам за ведомостью. Вы были в вагоне совершенно одни. Вы вошли к Зотову, накинули ему удавку на шею, пока он сидел к вам спиной, заполняя какие-то бумаги, — закончил я фразу, не сводя глаз с лица проводника. — Вы затянули узел. А когда он перестал дышать, вы сняли с его запястья часы, вытянули заводную головку, перевели стрелки ровно на час вперед — на 23:15 — и с силой ударили ими об угол стола, симитировав борьбу. Затем надели их обратно на руку труп.

Степан Ильич тяжело оперся о переборку купе. Его руки дрожали.

— Это... это фантазии, Артур Павлович. Зачем мне убивать пассажира? И врач сказал...

— Врач опирался на температуру тела, — перебил я. — Но в этом купе жарко, батареи топят на полную мощность, а тело остывает медленно. Погрешность в час для такого осмотра — обычное дело. А вот электронику обмануть сложнее.

Я поднял с пола смартфон Зотова и повернул экраном к проводнику.

— Вы продумали всё: расписание поезда, алиби соседей, визит начальника. Но вы забыли одну деталь. Я обратил внимание на таблетницу. Ячейка за вечер четверга полна. Зотов — гипертоник. Такие люди пьют таблетки строго по часам, чтобы не спровоцировать криз. И чтобы не забыть, они ставят будильник.

Я нажал на экран, высвечивая список пропущенных уведомлений.

— Смотрите, Степан Ильич. На экране висит пропущенный будильник. Срабатывание — ровно в 22:30. Текст: «Принять лекарство». Будильник звонил целую минуту, но его никто не отключил. Он ушел в беззвучный режим ожидания.

Я сделал шаг к проводнику, сокращая дистанцию.

— Зотов не мог игнорировать этот звонок, если был жив. И он не мог умереть в 23:15, оставив будильник, звонивший сорок пять минут назад, без внимания. В 22:30 он был уже мертв. А в это время в вагоне не было никого, кроме вас.

Степан Ильич смотрел на светящийся экран телефона, как на приговор. Его плечи опустились, форменная фуражка съехала набок, обнажив редкие седые волосы. Внезапно он показался мне очень старым и бесконечно уставшим.

— Леночка... — прошептал он сухими губами. — Моя дочь.

Он медленно сполз по стене и тяжело опустился на откидное сиденье напротив тела.

— Она работает в банке. Кредитный отдел. Полгода назад она совершила ошибку... Глупую, страшную ошибку с документами, чтобы помочь мужу закрыть долги. Зотов как-то об этом узнал. Он выкупил эту информацию.

Голос старика дрожал, но слез не было. Только глухая, выжженная ярость.

— Он тянул из нее деньги месяцами. Муж ушел. Лена продала квартиру, переехала ко мне. Но Зотову было мало. Вчера она позвонила мне и сказала, что больше не может. Что ей проще шагнуть под поезд, чем продолжать этот ад. А вечером я увидел его в списке пассажиров моего вагона.

Степан Ильич поднял на меня глаза.

— Я всю жизнь служил на железной дороге, Артур Павлович. Всю жизнь мыл полы, разносил чай, улыбался хамам. Но я не мог позволить этой мрази толкнуть мою девочку под колеса. Когда все ушли в ресторан, я взял свой форменный галстук... Я ни о чем не жалею. Можете звать начальника поезда.

В купе повисла тяжелая тишина. За окном в крошечной тьме завывала метель, снег хлестал по стеклам. Экспресс неумолимо мчался вперед, прорезая ночь.

Я посмотрел на мертвого шантажиста. Затем на старика, который ради жизни своего ребенка переступил черту. Я давно ушел из органов именно потому, что закон и справедливость — это далеко не всегда одно и то же.

Я молча подошел к столу, взял смартфон Зотова и, вве-

дя стандартный экстренный код сброса, который знал еще со времен службы, запустил полное форматирование памяти. Экран мигнул и погас, стирая архивы, компроматы и переписки.

Затем я открыл приоткрытый кейс убитого. На самом дне лежала тонкая синяя папка. Я пролистал ее — банковские выписки, фотографии, распечатки. На одной из них я увидел лицо молодой девушки с глазами Степана Ильича.

Я достал из кармана зажигалку, чиркнул колесиком и поднес пламя к краю папки. Когда бумага весело занялась, я бросил ее в металлическую пепельницу на столе.

Степан Ильич смотрел на меня, неверяще приоткрыв рот. — Что вы делаете? — одними губами спросил он.

— Еду в отпуск, Степан Ильич, — спокойно ответил я, наблюдая, как компромат на его дочь превращается в серый пепел. — Я частное лицо. И я только что провел неофициальный осмотр места происшествия.

Страхнув пепел и тщательно раздавив его ложкой для обуви, я повернулся к проводнику.

— Полиция подсядет в Петрозаводске. Они увидят разбитые часы. Увидят время — 23:15. Увидят ваше алиби. У них будет три идеальных подозреваемых из вагона-ресторана, у каждого из которых был мотив и возможность нанять профессионала. Громов, Ланская, Воронов — у них хватит денег на лучших адвокатов, чтобы развалить это дело в суде. А у вас, Степан Ильич, есть дочь, которой вы сейчас нужны

живым и на свободе.

Я поднял с пола свой пиджак и подошел к двери.

— Но если вы еще раз решите поиграть со временем, — тихо добавил я, не оборачиваясь, — помните, что у каждого механизма есть свой предел прочности. А сейчас, пожалуйста, принесите мне чаю, Степан Ильич. Черного, с лимоном. У меня бессонница.

Я вышел в пустой коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь седьмого купе. Поезд слегка качнуло на стыке рельс, и мы помчались дальше, сквозь снежную бурю, оставляя позади разбитые часы и сломанные судьбы.

Вкус мести

Гастрономия и криминалистика имеют много общего. И там, и там важны детали, температурный режим и время выдержки. Разница лишь в том, что шеф-повар смешивает ингредиенты, чтобы подарить удовольствие, а убийца — чтобы отнять жизнь.

Ресторан «Эфемер», спрятанный в тихом переулке на Патриарших прудах, славился своей закрытостью. Сюда не пускали с улицы, столики бронировали за полгода, а меню не существовало в природе — гости ели то, что в этот вечер решал приготовить шеф. Сегодня здесь подавали смерть.

Я, майор уголовного розыска Ян Авдохин, стоял посреди роскошного зала, отделанного черным мрамором и мореным дубом. Воздух был пропитан ароматами трюфельного масла, шафрана, дорогого алкоголя и тем едва уловимым, металлическим запахом адреналина, который всегда оставляет после себя внезапная смерть.

В центре зала, за круглым столом, откинувшись на спинку бархатного кресла, сидел Эдуард Горский. Ему было пятьдесят два. При жизни он был самым влиятельным, желчным и беспощадным ресторанным критиком столицы. Его статьи могли сделать из забегаловки культовое место, а могли уничтожить империю с мишленовскими амбициями.

Сейчас Горский был мертв. Его обычно бледное, над-

менное лицо приобрело жутковатый сине-багровый оттенок, глаза выкатились, а на губах застыла пена. Руки судорожно вцепились в подлокотники кресла.

Вокруг стола жались трое выживших гостей закрытой де-густации: бледная как мел редактор глянцевого журнала, трясущийся фуд-блогер и ресторатор-инвестор, нервно протирающий очки.

— Рассказывайте еще раз, по минутам, — велел я, подходя к столу и осматривая посуду.

— Это... это было невероятно, — заикаясь, начал фуд-блогер. — Марат Зимин, шеф-повар, пригласил нас на премьеру своего нового сета. Горский пришел последним. Он был в отвратительном настроении, сразу начал придирааться к сервировке.

— Что вы ели? — я указал на массивный медный котел, стоявший на горелке в центре стола. Внутри булькало густое, пряное варево насыщенного рубинового цвета.

— Это было главное блюдо, — подала голос редакторша, кутаясь в шаль. — Авторская вариация сычуаньского хого. Огненный бульон. Мы все ели из одного котла. Официант принес сырые морепродукты и мраморную говядину, и мы сами опускали их в кипящий бульон.

— И вино? — я кивнул на хрустальные бокалы.

— Из одного декантера, — подтвердил инвестор. — Марат сам разливал. Мы все пили. Мы все ели этот бульон. Но плохо стало только Эдуарду.

— Как именно это произошло?

— Он съел кусок мяса, щедро обмакнув его в бульон, — блогер нервно сглотнул. — Сказал что-то вроде: «Зимин, как всегда, маскирует бездарность специями». Потом закашлялся. Мы подумали, что он просто поперхнулся — бульон был дьявольски острым. Но он начал задыхаться. Покраснел. Полез во внутренний карман пиджака за своим ингалятором от астмы. Он всегда носил его с собой, у него была аллергия на некоторые приправы, и острая пища часто провоцировала спазм. Он сделал вдох из баллончика... и вдруг захрипел, выронил его, схватился за горло и рухнул в кресло. Через минуту он был мертв.

Я опустил взгляд на пол. Рядом с начищенным до блеска ботинком Горского валялся стандартный пластиковый ингалятор синего цвета. Защитного колпачка на нем не было.

В зал вошел судмедэксперт Петрович, таща за собой чемоданчик.

— Ну что тут у нас, Ян? Опять богатые плачут? — он склонился над телом. — Ого. Классическая картина тяжелой интоксикации. Смерть наступила от паралича дыхательного центра и остановки сердца. Очень похоже на действие сильного алкалоида. Аконит, например. Или стрихнин.

— Гости говорят, они ели из одного котла и пили из одной бутылки, Петрович. Но труп только один.

Эксперт пожал плечами, доставая пинцет и пробирки.

— Значит, яд был не в котле. Может, на его вилке? Или на краю его бокала?

Я покачал головой.

— Слишком рискованно. Вилки могли перепутать. Бокалы тоже. Убийце нужна была стопроцентная гарантия, что яд попадет только в организм Горского и никого другого.

Я присел на корточки и, надев латексные перчатки, аккуратно поднял с пола синий ингалятор. Пластиковый мундштук слегка блестел в свете ресторанных софитов.

— Петрович, посвети-ка сюда.

Эксперт направил луч фонарика на ингалятор. На белом пластике мундштука, у самого края, виднелся едва заметный, маслянистый желтоватый след.

— Что скажешь? — спросил я.

— Похоже на какую-то эмульсию, — нахмурился Петрович. — Если это то, о чем я думаю... Контактный яд, смешанный с масляной основой, чтобы не высох и не испарился. Горский берет ингалятор, берет мундштук в губы, делает глубокий вдох. Яд мгновенно всасывается через слизистую рта и вместе с лекарством попадает прямо в легкие. Идеальная доставка в кровоток. Смерть наступает за секунды.

Я выпрямился, бережно опуская ингалятор в зип-пакет для улик.

Головоломка складывалась. Убийце не нужно было травить еду. Ему нужно было просто заставить Горского воспользоваться ингалятором. А что может спровоцировать

приступ астмы у человека с чувствительными бронхами лучше, чем невероятно острое, обжигающее сычуаньское блюдо, щедро приправленное перцем?

Убийца знал привычки жертвы. Знал о его болезни. И знал, что Горский носит ингалятор во внутреннем кармане пиджака.

Я повернулся к гостям.

— Где был пиджак Горского до того, как он его надел?

— В VIP-гардеробе, — тихо ответила редакторша. — Мы все оставили там верхнюю одежду и пиджаки, в зале было очень тепло из-за открытой кухни. Эдуард попросил официанта принести его пиджак, только когда подали это огненное блюдо. Сказал, что ему понадобится лекарство.

— Кто имел доступ в гардероб?

— Да кто угодно из персонала, — пожал плечами инвестор. — Там нет номерков, это же закрытый клуб.

Я кивнул Петровичу, чтобы он продолжал осмотр тела, а сам направился в святая святых любого ресторана — на кухню.

Кухня «Эфемера» напоминала операционную будущего. Никакого жира, никакой грязи. Идеально чистые поверхности из хирургической стали, бесшумные вытяжки, ряды су-видов и индукционных плит.

У огромного металлического стола стоял Марат Зимин. Высокий, широкоплечий мужчина с сединой на висках и руками, испещренными мелкими шрамами от ожогов и поре-

зов — профессиональная метка тех, кто годами работает с раскаленными сковородками и острыми, как бритва, японскими ножами. Шеф-повар стоял спиной ко мне и методично, с пугающим спокойствием, точил филейный нож о керамический мусат. Вжик. Вжик. Вжик.

Звук разносился по пустой кухне эхом. Весь остальной персонал — су-шефы, линейные повара, мойщики — жался в дальнем углу у служебного выхода, напуганный до смерти.

— Марат Зимин? — я остановился в паре метров от него.

Он медленно повернулся. У него было жесткое, волевое лицо римского патриция и глаза человека, который привык к абсолютному контролю. Ни тени паники. Ни капли сожаления.

— Майор, — он положил нож на магнитную доску. — Полагаю, ужин окончен? Как там Эдуард?

— Мертв. И вы это прекрасно знаете.

Зимин взял белоснежное вафельное полотенце и тщательно вытер руки.

— Я знаю только то, что у гостя случился приступ удушья в моем зале. Это трагедия для заведения. Но, с другой стороны, Горский при жизни уничтожил столько ресторанов, что половина Москвы сегодня откроет шампанское.

— Вы, судя по всему, в их числе?

— Я не пью шампанское на рабочем месте, майор, — холодно ответил шеф. — И Горский не мог уничтожить «Эфемер». Мой ресторан безупречен. Моя еда — это искусство.

А Эдуард, при всех его пороках, умел ценить искусство. Он пришел сегодня, чтобы написать восторженную рецензию.

— Или чтобы растоптать вас.

Зимин усмехнулся, подходя к блестящему стальному столу, на котором в идеальном порядке были выстроены десятки стеклянных бутылочек с дозаторами.

— Вы не понимаете специфики нашего бизнеса, майор. Горский был паразитом, да. Но паразитом умным. Он не убивал дойную корову.

— Зато кто-то убил его, — я подошел ближе, скользя взглядом по бутылочкам. Масла, уксусы, эссенции. — При чем сделал это виртуозно. Яд был нанесен на мундштук его ингалятора. И убийца знал, что Горский обязательно им воспользуется именно сегодня, именно за вашим столом.

Я внимательно посмотрел в глаза Зимину.

— Сычуаньский хого. Огненный бульон. Это вы решили подать его сегодня?

— Это дегустационный сет, майор. Я решаю, что подавать. Хого был кульминацией. Смесь двадцати видов перца, включая «Каролинский жнец». Капсаицин в чистом виде. Он должен был взорвать рецепторы перед подачей нежнейшего десерта. Контраст температур и вкусов.

— И этот взрыв рецепторов спровоцировал у Горского спазм бронхов. Вы знали о его астме?

— Весь гастрономический мир знал о его астме, — Зимин пожал плечами. — Но Горский обожал острое. Это был его

личный сорт мазохизма. Он всегда носил ингалятор и никогда не отказывался от моих блюд. Я не несу ответственности за его медицинскую карту. Мое дело — готовить.

Я кивнул, соглашаясь с его логикой.

— Верно. Ваше дело — готовить. А мое — искать тех, кто готовит убийства.

Я оставил Зимина у стола и направился к стойке поваров, жмущихся у выхода. Выдернул из толпы бледного, как сметана, паренька в фартуке официанта.

— Как тебя зовут? — спросил я, отводя его в сторону.

— И-илья, — заикаясь, ответил тот.

— Илья, ты обслуживал стол Горского? Ты принес ему пиджак из гардероба?

— Д-да. Он махнул мне рукой, когда начал кашлять. Я побежал в гардероб, схватил его пиджак — он один там висел, остальные гости сдали пальто — и принес ему.

— В гардероб еще кто-то заходил во время ужина?

Илья нервно сглотнул, бросив испуганный взгляд в сторону Зимина.

— Нет. То есть, из гостей — никто. Мы, официанты, тоже туда не ходили, незачем было.

— А кто ходил? — я слегка нажал на плечо парня.

— Шеф, — шепотом выдавил Илья. — Минут за двадцать до подачи хого. Он ходил в винную комнату за декантером. А вход в винную комнату... он прямо через гардеробную.

Я отпустил парня. Пазл начал складываться в стройную,

пугающе красивую картину.

Я вернулся в зал. Петрович уже закончил первичный осмотр и упаковывал свои инструменты. Тело Горского накрыли черным пластиком.

— Петрович, ты можешь прямо сейчас сделать экспресс-анализ той желтой эмульсии на ингаляторе? Мне нужно знать ее состав. Не яда, а именно основы, в которой он растворен.

Эксперт недовольно крикнул, но достал портативный спектрометр.

— Могу. Но это даст только базовую органику. Секунду.

Он осторожно провел ватной палочкой по мундштуку ингалятора, поместил образец в кювету прибора и запустил анализ. На маленьком экране побежали графики.

— Интересно, — пробормотал Петрович, сдвигая очки на лоб. — Это растительное масло. Но очень необычное профилирование жирных кислот. Не подсолнечное, не оливковое. Высокое содержание эруковой кислоты и специфических эфиров. Знаешь, Ян, на что это похоже? На нерафинированное горчичное масло. Причем холодного отжима, очень плотное.

— Горчичное масло... — эхом отозвался я.

Я развернулся и быстрым шагом пошел обратно на кухню. Зимин стоял на том же месте, скрестив руки на груди.

— Марат, — я подошел к его рабочему столу с рядами дозаторов. — Вы ведь перфекционист, не так ли?

— В моей профессии иначе не выжить.

— И вы контролируете каждую каплю, которая попадает в тарелку гостя. Яд, которым отравили Горского, был смешан с маслом. С очень специфическим маслом. Чтобы токсин не испарился, не высох на пластике ингалятора и мгновенно впитался в слизистую. Убийце нужен был идеальный связующий агент.

Я провел рукой над бутылочками.

— Трюфельное. Кунжутное. Масло авокадо. Аргановое. А вот это...

Я остановил палец над небольшим флаконом из темного стекла. Внутри плескалась густая янтарная жидкость. На наклейке от руки было написано: «Brassica juncea. Резерв».

— Дикая сарептская горчица, — прочитал я. — Редкая вещь. Дает невероятную пикантность и идеальную текстуру эмульсиям. Я прав?

Лицо Зимина оставалось непроницаемым, но мускул на его скуле едва заметно дрогнул.

— Вы неплохо разбираетесь в гастрономии, майор. Да, это мое авторское масло. Я привожу семена из Астрахани и давяю его сам на ручном прессе.

— И именно это масло стало транспортом для яда.

Я оперся обеими руками о стальной стол и подался вперед.

— Давайте я расскажу вам, как вы приготовили свое лучшее блюдо, Марат. Вы знали, что Горский придет. Знали, что

он астматик. Вы составили меню так, чтобы кульминацией стал невыносимо острый хого. Вы рассчитали всё по минутам. За двадцать минут до подачи вы пошли в винную комнату. Прошли через гардероб. Достали из внутреннего кармана пиджака Горского ингалятор. Вы нанесли на мундштук каплю своего авторского горчичного масла, в котором заранее растворили смертельную дозу алкалоида. Аконита, скорее всего.

Я сделал паузу, наблюдая за его реакцией. Он молчал, глядя на меня холодными, немигающими глазами.

— Масло удержало яд на месте. Оно не дало ему высохнуть. Затем вы вернулись на кухню и приказали подавать хого. Горский съел мясо, пропитанное капсаицином. Его бронхи сжались. Он запаниковал, попросил пиджак, схватил ингалятор и сделал глубокий вдох. Яд, смешанный с маслом, мгновенно всосался в кровь через слизистую. Идеальное убийство. Никаких следов в еде, никаких подозрений на кухню. Если бы не капля эмульсии на пластике, все решили бы, что у него просто не выдержало сердце от острой пищи.

В кухне повисла тяжелая, густая тишина. Гудел холодильник шоковой заморозки. Где-то капала вода.

Зимин медленно расцепил руки. Он взял со стола флакон с горчичным маслом, покрутил его в пальцах, любясь игрой света в янтарной жидкости.

— Знаете, в чем ваша ошибка, майор Авдохин? — его голос звучал пугающе спокойно. — Вы ищете логику там, где

правит страсть. Вы думаете, я убил его из-за рецензии? Из-за того, что он мог закрыть мой ресторан?

Он поставил флакон на место и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде вдруг прорвалась такая первобытная, темная ярость, что мне на секунду стало не по себе.

— Пять лет назад у меня был су-шеф. Максим. Мальчишка, гений. Он чувствовал вкусы так, как не дано никому из нас. Мы открыли с ним маленькое бистро. Вложили все деньги, заложили квартиры. Это был проект нашей жизни.

Зимин тяжело оперся о стол, словно воспоминания давили на него физически.

— Горский пришел к нам через месяц после открытия. Ему понравилось. Даже очень понравилось! Но после ужина он отвел меня в сторону и назвал цену. Тридцать процентов от прибыли ежемесячно на его офшорный счет. За «информационную поддержку и защиту от конкурентов». Обыкновенный рэкет в красивой обертке. Я послал его к черту.

Шеф-повар горько усмехнулся.

— На следующий день вышла его статья. Он не просто раскритиковал еду. Он уничтожил нас. Он написал, что мы используем просроченные морепродукты, что на кухне царит антисанитария, а соусами мы маскируем вкус гнили. Это была ложь от первого до последнего слова, но у него была аудитория в полмиллиона человек. К нам пришли с проверками. Поставщики разорвали контракты. Через три месяца банк забрал помещение за долги.

Максим не выдержал. Он был слишком хрупким для этого бизнеса. В тот день, когда мы подписали бумаги о банкротстве, он вернулся на пустую кухню и повесился на шнуре от промышленного тестомеса.

Зимин замолчал. Его лицо, до этого напоминавшее каменную маску, вдруг исказила гримаса застарелой, невыносимой боли.

— Горский убил его, понимаешь, майор? Убил так же верно, как если бы сам накинул ему петлю на шею. А потом пошел дальше — жрать в дорогих ресторанах и ломать чужие судьбы. Я ждал пять лет. Я создал «Эфемер», выстроил безупречную репутацию. Я сделал всё, чтобы этот ублюдок сам пришел ко мне, требуя столик.

— И вы приготовили ему аконит, — тихо сказал я.

— Экстракт корня синего борца, — поправил Зимин с профессиональной дотошностью. — Вываривал его трое суток. Идеально растворяется в масле дикой горчицы. Горечь алкалоида полностью нивелируется пикантностью основы. Ни запаха, ни вкуса на пластике. Иронично, не правда ли? Горский задохнулся от того же, от чего задыхался Максим. От нехватки кислорода.

Шеф-повар медленно развязал тесемки своего белоснежного фартука. Снял его, аккуратно, край к краю, свернул и положил на сияющий стальной стол рядом с флаконом авторского масла.

Он повернулся ко мне и спокойно вытянул руки вперед,

соединив запястья.

— Мое лучшее блюдо подано, майор. Можете выписывать счет.

Я достал наручники. Металлический лязг браслетов разнесся по стерильной кухне громче, чем стук ножа. Зимин не вздрогнул. В его глазах не было ни страха перед судом, ни раскаяния. Только абсолютная, ледяная пустота человека, чья миссия наконец-то завершена.

— Знаете, Марат, — сказал я, беря его за локоть и направляя к служебному выходу, — говорят, что месть — это блюдо, которое подают холодным.

— Глупости, — сухо отозвался шеф-повар, шагая впереди меня. — Месть нужно подавать обжигающе острой. Чтобы рецепторы запомнили ее навсегда.

Мы вышли через черный ход на сырую, продуваемую ветром московскую улицу. В переулке уже пульсировали синие-красные мигалки полицейских машин. Дождь смывал с асфальта городскую пыль, но я чувствовал, что запах трюфеля, шафрана и смерти останется в моих легких еще очень надолго.

Гастрономия и криминалистика действительно имеют много общего. Иногда идеальный рецепт требует слишком высокой цены. И в счете, который сегодня оплатил Марат Зимин, чаевые измерялись остатком его собственной жизни.

Ошибка автора

Писатели — страшные люди. Они привыкли играть в демиургов, безжалостно распоряжаясь судьбами вымышленных персонажей. Они убивают, воскрешают, ломают жизни и даруют спасение росчерком пера. Но самое опасное начинается тогда, когда автор забывает, где заканчивается книжная страница и начинается реальный мир.

Меня зовут Глеб Тарасов, я старший следователь убийного отдела. За пятнадцать лет службы я видел маньяков, психопатов, расчетливых жен и жадных наследников. Но дело Вероники Власовой стояло особняком в моей практике... Оно пахло типографской краской, дорогим парфюмом и абсолютной, ледяной расчетливостью.

Всё началось промозглым ноябрьским утром, когда Вероника — автор серии бестселлеров в жанре психологического триллера — ворвалась в мой кабинет. Она выглядела безупречно даже в истерике: кашемировое пальто, бледное лицо, идеальная укладка, чуть растрепавшаяся ровно настолько, чтобы подчеркнуть ее душевное смятение.

— Он читает мои мысли, следовательно, — заявила она, бросив на мой стол пухлую папку с распечатками. — Или кто-то украл мою рукопись.

Я налил ей воды и попросил начать с начала.

Оказалось, что последние полгода Вероника работала над

новым романом «Архитектор теней». Книга еще не была опубликована. Более того, она даже не была закончена. Доступ к черновику имели только два человека: сама Вероника и ее бессменный литературный агент Борис Коган.

— Месяц назад в Битцевском парке нашли тело девушки, — Вероника обхватила стакан дрожащими пальцами с идеальным маникюром. — Удушение шелковым шарфом, во рту — белая лилия. Это первая глава моего романа. Я думала, это совпадение. Жуткое, но совпадение. А три дня назад... бизнесмен в Москва-Сити. Отравлен тетродотоксином, тело усажено в кресло лицом к панорамному окну.

Я напрягся. Детали этих двух нераскрытых убийств не разглашались прессе.

— Это вторая глава, — прошептала писательница. — Кто-то завладел моим текстом. И этот кто-то воплощает его в жизнь. Понимаете? Убийца использует мою книгу как сценарий!

Я изъясл распечатки, приставил к Веронике патрульного для охраны и начал проверку. Текст действительно пугающе точно совпадал с деталями реальных преступлений. Мы с опергруппой перевернули вверх дном издательство, проверили почту Когана, искали следы хакерского взлома на ноутбуке писательницы. Ничего. Рукопись словно существовала в вакууме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.